

Посвящается Пали

1987

Пролог

Будто специально усаженные по росту, они образовали своего рода ступеньки: самая маленькая сидела с краю, а рядом с ней — два ее старших брата. Один, три и четыре года. Они вели себя не так, как свойственно малым детям, — не ерзали, не болтали свешивающимися с жесткого сиденья худенькими ножками. Новенькие ботинки неподвижно висели над натертым до блеска полом. На лицах детей не отражалось ни скуки, ни нетерпения, ни любопытства. Они сидели, молча уставившись на выкрашенную белой краской стену, будто там шел «Том и Джерри». Со стороны эта застывшая сцена выглядела как фотография — трое детей на скамейке.

Они сидели там уже около получаса. Совсем скоро они смогут встать со скамьи, но никто из взрослых, наблюдавших за ними через застекленную стену из комнаты совещаний, не торопился приблизить этот момент. Недавно жизнь детей совершила крутой поворот, но это было ничто по сравнению с тем, что им предстояло. Когда они уйдут отсюда, их жизнь изменится навсегда. И хотя на этот раз изменения должны быть к лучшему, в них тем не менее крылись свои недостатки, и только время могло показать, дадут ли они о себе знать в будущем. В этом-то и была загвоздка: невозможно что-то предположить с уверенностью, и поэтому так трудно принять решение.

— Да, к сожалению... Мы рассмотрели много вариантов, но специалисты рекомендуют именно этот путь. Де-

тям нужен постоянный дом, и тянуть с этим никак нельзя. Чем старше они будут становиться, тем меньше вероятность, что их кто-то усыновит. Посмотрите на разницу между поиском семей для мальчиков и для девочки. Люди прекрасно понимают, что чем младше ребенок, тем легче он адаптируется к новой жизни. Через два года девочка достигнет возраста своих братьев, и мы столкнемся с нынешней ситуацией! — Решительно набрав в легкие воздух, мужчина для большей убедительности помахал в воздухе пачкой бумаг.

Это были отчеты и заключения экспертов, обследовавших детей. Сидевшие за столом озабоченно закивали — все, кроме молодой женщины, категоричнее всех высказывавшейся против предлагаемого комиссией решения. Из всех собравшихся у нее был наименьший опыт в работе с детьми, и в ней еще теплилась искорка надежды, давно задушенная в других неудачах и разочарованиях.

— Может, все же подождать? Как знать, может, нам удастся найти семью, готовую взять их всех вместе? — Она перевела взгляд на детей, застывших на скамье неподвижными каменными изваяниями, и крепко прижала скрещенные руки к груди, словно боясь, что из нее может улетучиться весь ее оптимизм. Вспомнила, как выглядели дети, когда их дело дошло до властей: грязные, истощенные, с давно нечесанными светлыми завитушками волос, огромными голубыми глазенками и размазанными по замызганным щекам следами от слез. — Это должно быть возможно!

— Я же только что объяснил! — раздраженно ответил мужчина с отчетами и уже в третий раз за время совещания посмотрел на часы; сегодня он обещал своим детям поход в кино. — За младшей уже очередь выстроилась, а мальчиков мало кто хочет взять. Спасибо, хоть такой выход есть; а искать какую-то воображаемую семью для всех вместе — безнадежное дело. Мы тщательно проработали весь список семей, желающих усыновить детей. В данной ситуации это самое разумное решение!

К этому трудно было что-то добавить, и участники совещания снова согласно закивали. Однако молодая женщина не хотела сдаваться:

— Но они так привязаны друг к дружке, это видно... Разлука может нанести их психике непоправимый урон.

Теперь пачка отчетов над головой затряслась с такой силой, что у сидящих за столом от разгоняемого ею воздуха зашевелились волосы.

— Два психолога здесь утверждают, что младшим брату и сестре такая разлука пойдет только на пользу. Мальчик, похоже, взял ее под свою опеку, а это ненормально. Он пытается окружить ее той заботой и любовью, которых недополучил сам, но ведь он всего лишь маленький ребенок! Она не в силах отделаться от его постоянной навязчивой заботы, а он буквально истощен постоянной тревогой за нее. Но ведь ему всего три года! — Мужчина перевел дыхание и продолжил: — И это вовсе не чтение между строк, эксперты говорят это прямым текстом: разлука им обоим на пользу, отношение мальчика к сестре нельзя назвать здоровым. Да и вообще надо отдавать себе отчет в том, что психика братьев пострадала больше — ведь они старше и больше понимают.

В этот момент на скамейке произошло движение: младший из братьев, подвинувшись поближе к сестре, обнял ее за плечи и притянул к себе — будто услышал через стеклянную стену, о чем шла речь в комнате совещаний.

— Мне кажется, мы не вправе сомневаться в выводах специалистов, а положение детей на самом деле намного сложнее, чем мы можем себе представить. Я считаю, что нам как минимум нужно поторопиться. Было бы наивно надеяться на какое-то волшебное разрешение ситуации. Его не существует! — Говорившая теперь женщина, похоже, тоже хотела поскорее уйти отсюда; она произносила слова быстро, вдобавок отбивая такт своей речи ногой.

— А что может произойти потом, когда они станут старше и поймут, что, возможно, был шанс предотвратить их разлучение? Мы знаем много примеров тому, что про-

исходит, когда люди озлобляются на систему. Вся жизнь начинает вращаться только вокруг этого, — подал голос староста комиссии.

Он был уже одной ногой на пенсии и надеялся, что это дело будет его последним запутанным делом. Такое желание, по его мнению, являлось вполне заслуженным — голова старосты давно покрылась сединой, лицо изрезали морщины, а карманы были набиты таблетками от гипертонии.

— Приемные родители обязаны хранить тайну усыновления. Так лучше для всех, особенно для младших. Это будет нетрудно, так как у них, скорее всего, не останется воспоминаний первых лет жизни, а девочке вообще всего год. Хотя старший, конечно, может что-то помнить, но сейчас мы не можем знать это наверняка. Воспоминания со временем становятся расплывчатыми, меняются... Что вы помните из того, когда вам было четыре года?

— Да очень многое! — вырвалось у молодой женщины.

Но она, видимо, была единственной с такими ранними воспоминаниями. У других в памяти всплывали лишь неясные расплывчатые обрывки. Впрочем, из первого года своей жизни молодая женщина тоже мало что помнила. У девочки, которую многие хотели удочерить, может все сложиться хорошо. И не только потому, что она такой милый ребенок; трудности прошедших лет больше сказались на мальчиках, и последствия уже проявляются в их поведении — в безудержной любви и заботе о сестре младшего брата и полной безучастности ко всему старшего брата.

Рапорт полицейских, первыми прибывших на место происшествия по телефонному звонку матери детей, производил настолько тяжкое впечатление, что сейчас никто из присутствующих не решался его обсуждать. Если б время смогло стереть из памяти детей эти воспоминания, все были бы счастливы. Но молодая женщина сомневалась, что такое возможно, — слишком сильным было перенесенное детьми потрясение.

— То, что я помню из раннего детства, почти всегда связано с чем-то ужасным: например, когда я в три года прищемила палец в дверях булочной или когда в пятилетнем возрасте увидела, как мою подружку сбила машина. А это не идет ни в какое сравнение с тем, что пережили дети. Боюсь, что мальчики никогда не смогут этого забыть. Вполне возможно, что и их сестра тоже, хотя насчет нее у меня уверенности нет.

— А что там с родством, уже все выяснено? — Женщина, которая куда-то спешила, решила направить обсуждение в другое русло, чтобы присутствующие не потерялись в собственных детских воспоминаниях. — Ведь тут большая вероятность, что они даже не полностью родные, и в связи с этим вопрос: а стоит ли вообще тратить столько энергии на то, чтобы держать их вместе?

Ей ответил мужчина с отчетами — и на этот раз он заслужил у молодой эмоциональной женщины галочку:

— Я думаю, от одного они отца или от разных — это сейчас не главное. В сознании самих детей они родные. Являются ли они родными только по матери, мы точно не знаем; у младших отец вообще не записан. Врач, который осматривал всех троих, считает, что младшие, скорее всего, родные между собой, а старший является им родным только по матери. Но это основано лишь на словах отца старшего мальчика, который утверждает, что у него не было близких отношений с этой женщиной после того, как та была вынуждена переехать к своему отцу. — Мужчина, насупившись, помолчал, а затем продолжил: — Для того чтобы установить родство детей, нужно провести генетическую экспертизу, а на нее нет ни денег, ни времени. Кроме того, никому, в принципе, и не хочется знать ее результат; спокойнее думать, что у всех них нормальные отцы — у всех троих, а не только у старшего.

Какое-то время в комнате царило молчание. Все знали историю детей и их матери, а также их деда, который подзревался в страшном преступлении против своей доче-

ри. Теперь судьба трех маленьких детей с искалеченными душами в их руках. И как они должны поступить?

— А как насчет отца старшего мальчика, этого Торгейра? Может, он передумает? — снова нарушила молчание молодая женщина.

— Сомневаюсь; там все испробовано. Он не может или не хочет взять к себе своего собственного сына, что уж тогда говорить о всех троих детях? Этот Торгейр никогда не общался с мальчиком и не уверен, что является его отцом. В свое время он согласился, чтобы его записали на него лишь потому, что у него была кратковременная связь с матерью мальчика. Но он не уверен, что был у нее единственным. Если его принудят взять к себе мальчика, он потребует тест на отцовство, а это задержит дело. К тому же, независимо от результата, он не представляется мне удачным кандидатом. Даже если он окажется отцом, говорить с ним о принятии мальчика — пустая трата времени. Он точно от него откажется. Будет ли это полезно для ребенка? Не думаю.

Сидящие за столом мужчины, кивая, обменивались взглядами — им, казалось, было легче согласиться с доводами мужчины; женщины же, все как одна, сидели, опустив глаза.

— На сегодняшний день это лучший выход. — Мужчина с отчетами решил на этот раз не трясти ими, просто многозначительно потыкал в стопку пальцем. — У нас нет машины времени, которая могла бы убедить нас в том, что все будет хорошо. Единственное, на что мы можем опираться, — это мнение специалистов. У всех отобранных нами приемных родителей блестящие рекомендации. Я предлагаю поставить на этом точку. Регистрация детей в системе будет изменена, и со временем это жалкое начало их жизни забудется. Детям лучше не знать о таком происхождении, а разлука поможет им забыть его. Чем скорее начнется их новая жизнь, тем лучше для всех. Можем мы согласиться с таким выводом?

Молодая женщина встала, собираясь возразить, но что-то ее остановило. Сквозь стеклянную стену она смотрела на сидящих на скамье детей, на то, как девочка безуспешно пыталась высвободиться из объятий брата, но тот лишь крепче прижимал ее к себе. Казалось, он причиняет ей боль. Возможно, во мнении экспертов было больше смысла, чем она готова была признать... Переведя взгляд на коллег, женщина чуть заметно кивнула.

Решение было принято.

Пока участники совещания занимались оформлением и подписыванием последних документов, она оказалась невольным и, видимо, единственным, свидетелем того, как детей отправляли в новую жизнь. Нельзя сказать, что те покидали старую жизнь мирно. Труднее всего это далось младшему из братьев. Он истошно кричал, глядя, как его сестру уносит по коридору на руках детский врач. Малышка, с застывшим лицом выглядывая из-за докторского плеча, прощально махала брату маленькой рукой. При виде этого на того будто нашло исступление; мужчине в белом халате пришлось применить силу, чтобы удержать его. И только когда малыш понял, что ему не вырваться, его вопли сменил горестный плач.

Молодая женщина с ужасом наблюдала развернувшуюся на ее глазах сцену. Она понимала, что и на ней лежит ответственность за то, что здесь происходило, и старалась, по крайней мере, найти в себе мужество взглянуть на последствия своего решения. Было немного легче смотреть на старшего брата — он не вырывался и не плакал, хотя стоявший в его глазах ужас говорил сам за себя. Видимо, дети никогда раньше не разлучались.

Остолбенев, женщина следила, как мальчики исчезали той же дорогой, что и их сестра. Когда она наконец смогла сдвинуться с места, то на своем пути из больницы никого не увидела — детей не было ни в вестибюле, ни на полупустой парковке.

Новая жизнь проглотила их целиком, без остатка.

2015

Глава 1

Некоторое время Элиза приходит в себя. Она лежит на боку, меж ее ног — скомканное одеяло, под щекой — сбитая в комок подушка. В комнате темно, в просвете между гардинами виднеется черное небо; оттуда, из бездонного пространства, подмигивает одинокая звездочка. На другой половине кровати — аккуратно заправленное одеяло и нетронутая подушка. Здесь сейчас необычно тихо, и Элиза понимает, что ей не хватает обычно так раздражавшего ее мужниного похрапывания, а также привычного, струившегося от его горячего тела тепла, приучившего ее спать с высунутой из-под одеяла ногой. Сегодня, по привычке, она так и заснула, и теперь ей было холодно.

Укутавшись получше в одеяло, она чувствует, что ноги покрылись гусиной кожей. Это напоминает ей ночные дежурства мужа Сигвалди, но на этот раз она не ожидает его утром домой — зевающего, с кругами под глазами, пропитанного запахами больницы. Он уехал на конференцию и вернется домой лишь в конце недели. Вчера, целуя ее на прощание, Сигвалди выглядел предвкушающе — наверняка вернется, благоухая новым, купленным в дьюти-фри лосьоном для бритья, и она опять будет спать, уткнувшись носом в согнутый локоть, пока не привыкнет к его новому аромату.

Элиза чувствует легкую грусть, но в то же время и радость от предстоящего временного одиночества. Впереди ее ждет вечера, когда только она будет решать, что смотреть

по телевизору, когда не нужно будет переживать о футбольных матчах в той или иной лиге и когда можно после ужина со спокойной душой наслаждаться бутербродами с сыром и не слушать до самого отбоя голодное урчание в животе.

Но неделя отдыха от мужа включала и недостатки — она осталась одна с тремя детьми и со всем, что этому сопутствовало: разбудить, растормошить, накормить завтраком, забрать, отвезти, помочь с домашними заданиями, поиграть, проконтролировать сидение за компьютером, приготовить ужин, выкупать, почистить зубы, уложить спать... Нужно два раза на неделе отвезти Маргрет на балет, а Стефауна и Баурда — на карате, а также поприсутствовать на всех этих занятиях и тренировках.

Самым трудным было именно это присутствие. Элизе казалось, что ни один из ее детей не обладал способностями к занятиям, да и удовольствия от них тоже не испытывал, хотя все и стоило немалых денег. По крайней мере, она думала, что им там скучно; они никогда не попадали в такт, часто поворачивались не в ту сторону, краснели и оторопело таранились на других детей, у которых всегда все получалось как надо. Но, может, это вовсе и не так? Может, это только ее дети делали все правильно?..

Элиза лежит неподвижно, ожидая, когда ее полностью оставит дремота. На прикроватной тумбочке светится циферблат ненавистного ей по утрам будильника, однако сейчас у нее не возникает привычного желания смахнуть его на пол. Светящиеся ядовито-зеленым цветом цифры показывают, что она может спать еще несколько часов, хотя сонный мозг отказывается рассчитать, сколько именно. Так почему же она проснулась?

Яркий свет будильника раздражает усталые глаза, Элиза переворачивается на другой бок, и от неожиданности у нее перехватывает дыхание — глаз ловит темные очертания кого-то, стоящего у кровати. Быстро оправившись от испуга, она соображает, что это Маргрет, ее старшая; она всегда выделяется из детей — ее редко можно увидеть радостной. Теперь Элиза понимает, что ее разбудило.